

ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XI

1925

І.—СТАТЬИ.

О ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА ЛЕНИНА И ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

(К вопросу о причинах мировой войны).

Введение.

Настоящая работа представляет собою часть подготовляемого к печати труда автора «Причины мировой войны», но часть, приспособленную к самостоятельному изданию в свет. К проблемам, затронутым в данной части, особенно к вопросу о причинах мировой войны и о неминуемости гибели капитализма, автор более подробно вернется в других местах в своем труде. Необходимо сделать следующих три примечания.

Первое. Poleмические выражения, употребляемые автором в этой работе, относятся исключительно к неудачным сторонникам Розы, готовым писать о чем угодно на свете с ученым видом знатока (и при этом забывающим слова самой Розы Люксембург в ее «Антикритике» о такого рода «ученых»). К самой Розе Люксембург эти слова, конечно, не относятся и относиться не могут; это ясно и из изложения. Ошибки гениальных людей тоже поучительны; но кто из учения гениального человека принимает и упорно защищает его ошибки—тот совсем не поучителен и просто не умен.

Второе. Автор отнюдь не думает отрицать существования торговой конкуренции между капиталистическими державами и погоню этих держав за рынками сбыта. Его цель иная. Он старается доказать, что не этими явлениями, однако, определяется политика этих держав накануне мировой войны; что не эти явления являются наиболее характерными для империалистического капитализма; не они суть главные причины мировой войны. Экспорт капитала и погоня за источниками сырья—вот главные причины лихорадочного вооружения капиталистических стран с конца XIX века, в них следует искать и главные причины мировой войны. Торговая конкуренция, конечно, продолжает существовать и в период империализма, но она не играет больше такой главенствующей роли, как в эпоху, предшествующую империализму.

И, наконец, третье и самое важное примечание. В данной работе автор старается доказать, что экономическое объяснение империализма, данное Розой Люксембург, не соответствовало конкретной действитель-

ности, что ни колониальной политики империалистических держав, ни самой мировой войны по теории Розы объяснить нельзя. Остальных теоретических построений Розы Люксембург в ее книге «Накопление Капитала» автор не касается. Это пока не входит в его задачи. Не надо однако забывать, что именно в объяснении империализма весь гвоздь книги Розы. Вместе с опровержением этого пункта само собой рушится все здание теории накопления Розы Люксембург. Роза сама это прекрасно поняла. Недаром она назвала свою книгу «Накопление Капитала. — К вопросу об экономическом объяснении империализма».

Теории империализма Розы и Ленина и действительность.

Теория Розы Люксембург о накоплении капитала неоднократно подверглась у нас в России страстной дискуссии. Ее обвиняли в фатализме, телеологическом взгляде на историю и т. д. Все эти обвинения легко опровергались ее защитниками. Между тем, эта теория до сих пор почти не подвергалась проверке на действительных фактах. Как ее сторонники, так и ее противники все время занимались теоретическими спорами, но не проверяли теорию практикой. И получилась такая картина, что один товарищ (Бессонов) даже пытался превратить Ленина в сторонника Розы Люксембург. И только недавно опубликованная предсмертная статья Ленина в «Правде» от 16 апреля 1924 г. «Об охоте на лис», где он определенно заявляет, что Роза ошиблась в теории накопления, доказала всем всю тщетность попытки Бессонова. Между тем, достаточно внимательно проштудировать глубокую по содержанию, но скупую на слова книгу Ленина «Империализм», чтобы убедиться, что взгляды Ленина весьма далеки от взглядов Розы и причины империализма по теории Ленина кардинально противоположны причинам империализма по теории Розы.

Пишущий эти строки, бывший одно время тоже сторонником Розы, задался целью проверить на практике теорию накопления. Он пришел к выводу, что без изучения действительности мы спора не решим.

А проверить теорию накопления есть возможность. Согласно теории Розы, причиной воинствующей политики империализма является погоня капиталистов за некапиталистическим рынком сбыта. Капиталисты не могут реализовать части прибавочной стоимости у себя дома или в других капиталистических странах. Они для реализации этой части прибавочной стоимости непременно нуждаются в некапиталистических слоях населения, главным образом, крестьянства. Колонии и выполняют эту роль. Они являются потребителями товаров, производимых в капиталистических промышленных странах. Этим самым капиталисты получают возможность реализовать всю прибавочную стоимость и, таким образом, могут накапливать. Накопление же есть главная цель капиталистического хозяйства. Погоня за колониями, главным образом, как за рынком сбыта, и есть главная

причина империализма, согласно теории Розы Люксембург. (Накопление, начало главы XXXI).

Ленин в «Империализме»¹⁾ объясняет воинствующую политику империалистических стран след. тремя причинами. Во-первых, экспортом капиталов (но не товаров); во-вторых, погоней за источниками сырья. В-третьих, идеологией монополистического капитализма. Он почти нигде не подчеркивает, что колонии нужны капиталистам, как рынки сбыта. Зато он многократно говорит о том, что колонии необходимы, как источники сырья и для экспорта капиталов.

С этого места и решил начать автор свое исследование. Проверить на практике теорию Розы можно только, начиная с этого пункта. Мы же не можем проверить на деле, возможно ли накопление в чисто капиталистическом обществе, т.-е. обществе, состоящем из одних пролетариев и капиталистов. Такого общества нет и не будет, так как раньше, чем оно станет возможным, рабочие в союзе с крестьянами придушат капиталистов и покончат с капитализмом.

Что же нам говорят факты, которые, как известно, еще более упрямы, чем даже те квази-ученые, которые с серьезным видом готовы писать целые трактаты о вещах, о которых они, мягко выражаясь, не имеют никакого представления? Прежде всего, оказывается, что до войны все капиталистические страны (за исключением Северо-Американских Соединенных Штатов, находящихся в специфических условиях) мира имеют пассивный торговый баланс, т.-е. ввозят из-за границы чужих товаров больше, чем вывозят за границу своих собственных товаров. Зато все почти аграрные земледельческие государства имеют активный баланс, т.-е. ввозят меньше, чем вывозят. Так, например, в 1901 году Германия вывозила товаров на 4.431 милл. марок, а ввозила на 5.421 милл. марок, Англия в том же году ввозила на 9.264 милл. мар., а вывозила только на 5.712 милл. мар., Франция (менее капиталистическая страна) ввозила на 3.495 милл. мар., а вывозила на 3.210 милл. мар., Бельгия ввозила на 1.776 милл. мар., вывозила же только на 1.462 милл. мар. В 1913 году Германия вывозила на 10.097 милл. мар., а ввозила на 10.769 милл. мар., Англия вывозила на 10.715 милл. мар., а ввозила на 13.446 милл. мар., Франция вывозила на 5.500 милл. мар., а ввозила на 6.806 милл. мар.; Бельгия ввозила на 4.039 милл. мар., а вывозила только на 2.972 милл. мар. И даже Соединенные Штаты, несмотря на то, что они до войны в значительной степени продолжают сохранять характер земледельческой страны, и их торговый баланс обнаруживает определенную тенденцию к перевесу ввоза над вывозом. Так, в 1901 году экспорт Соед. Штатов равнялся 6.633 милл. мар., импорт же—3.392 милл. мар., т.-е. активный баланс (перевес вывоза над ввозом) равнялся 3.241 милл. мар., т.-е. почти был равен ввозу. В 1913 же году экспорт Соед. Штатов равнялся 10.192 милл. мар., импорт же—7.457 милл. мар., т.-е. активный баланс равнялся только 2.735 милл. марок. Таким образом, он уменьшался не только относительно, но и абсолютно, и внешняя торговля Соед. Штатов все

¹⁾ Там. же, глава 6, стр. 67.

больше приближалась к пассивному балансу. Известный экономист Карл Тышка в своей интересной книге «Хозяйственная проблема современных промышленных государств» (на немецком языке) и дает такое определение: «Капиталистическим государством обыкновенно называется такое государство, ввоз которого превышает вывоз; аграрным земледельческим государством называется такое—вывоз которого превышает ввоз».

С точки зрения теории Розы Люксембург должно было быть как раз наоборот. Ведь, если главнейшим затруднением для капитализма является невозможность реализации части прибавочной стоимости, если поэтому капитализм нуждается в некапиталистических слоях населения и во внешнем рынке, то что это значит? Это может означать лишь то, что капиталистические страны производят больше, чем потребляют, т.-е. покупают извне меньше, чем продают за границу. Излишек производства, часть прибавочной стоимости им некуда девать. Ее покупают, реализуют некапиталистические слои населения в колониях. Но ведь в таком случае торговый баланс должен быть активным. Они должны продавать больше, чем покупать. На самом же деле оказывается наоборот. Оказывается, что чем развитее капитализм в какой-нибудь стране, чем меньше в этой стране некапиталистических слоев населения, тем ее пассив (перевес ввоза над вывозом) больше, выше. Но ведь в таком случае перед капиталистическими государствами, главным образом, стоит совсем иная проблема — проблема источников сырья, а не рынков сбыта. Ведь если я, скажем, произвожу больше, чем сам потребляю, тогда передо мною стоит задача, куда девать излишек своего производства. Если же я, наоборот, потребляю больше, чем произвожу, тогда я должен решить задачу совсем другого рода. Я должен найти источник, откуда я мог бы черпать перевес потребления над производством в моем личном бюджете. Или для иллюстрации еще один пример. Если мой доход превышает мой расход, тогда передо мною встает вопрос, куда девать излишек дохода: в сберегательную ли кассу, покупать ли хлебный заем и т. д. Но если мой доход меньше моего расхода, тогда я уже о сберегательных кассах и думать не буду. Куда мне до них? Я буду ломать себе голову, откуда достать, у кого одолжить недостающую мне сумму денег. Конечно, для капиталистических стран и при пассивном балансе существует проблема сбыта. Но главное затруднение в таком случае заключается в источниках сырья. Ленин в своем «Империализме»¹⁾ приводит следующие слова Шильдера, с которыми и он соглашается: «Можно выставить утверждение, которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным, именно, рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствия в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания». А сам Ленин тут же добавляет: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем

¹⁾ Ивд. II. стр. 66.

острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний». Так вот в чем главное затруднение капитализма! Сырья ему нехватает, ибо капиталистические страны потребляют иностранных товаров больше, чем производят своих товаров для заграницы. И они поэтому нуждаются в привозном сырье для промышленности и в привозной пище для населения. Это затруднение совсем другого рода, оно как раз диаметрально противоположно затруднению реализации, затруднению, вытекающему из теории Розы.

И это станет для нас тем яснее, если мы примем во внимание слова Маркса, что в международном товарообмене промышленные страны продают свои товары дороже, чем земледельческие. Тогда перевес ввоза над вывозом в капиталистических странах, перевес, о котором нам говорят данные о внешней торговле, станет еще более внушительным.

Нельзя ссылаться тут на случайности или на приходящие обстоятельства. Это явление (пассивный торговый баланс у промышленных стран) почти не имеет исключения. Оно повторяется из года в год. Проверено на опыте десятков стран в течение десятков лет. И в политической экономии оно считается железным, неизменным законом, так что, как мы видели уже, некоторые экономисты считают этот признак достаточным для определения характера хозяйства какой-нибудь страны.

Это явление—пассивный баланс капиталистических стран—имеет глубокие причины. Конечно, каждый рабочий производит больше, чем потребляет сам, и создает прибавочную стоимость, которая вообще превышает также потребление капиталиста, на которого он работает. Точно так же растет производительность труда. Но капитализм в высших стадиях своего развития вызывает и рост потребления всего населения. Кроме того, весьма важной причиной пассивного баланса капиталистических стран является повышение органического состава капитала—рост основного капитала по сравнению с оборотным. Капиталистические страны не только производят и потребляют, но и накапливают богатства. Размеры фабрик все увеличиваются, растет и величина машин, двигатели становятся все более мощными¹⁾. Шахты углубляются. Земля покрывается железными дорогами, каналами, мостами, гигантскими строениями, аэродромами, станциями беспроволочного телеграфа, телеграфными и телефонными проводами. Техника изменяет поверхность земли не хуже любой геологической эпохи. Она забирается и во внутренности земли. Там она проводит туннели, подземные железные дороги, разрывает недра земли и добывает металлы и уголь. Земледельческая же страна может вывозить почти весь излишек продукции над ее потреблением. Она не в такой сильной степени нуждается в накоплении богатств, в росте основного

¹⁾ Средняя стоимость хорошо оборудованного рудника в Германии в 50-х годах XIX в. была около 20 тыс. марок: накануне мировой войны—20 милл. марок. В 50 лет рост в 1000 раз!

капитала. Наконец, наиболее важной причиной пассивного баланса капиталистических государств является то, что капитализм содействует возникновению многочисленного слоя паразитического населения, не участвующего в создании ценностей. Таковы чиновники, (рост бюрократизма), проститутки, содержатели кабарэ, дач, шоферы автомобилей, служащих для прогулок, артисты, профессора и т. д. («король, поп, солдат, проститутка, профессор» Маркса). Растет также количество торговцев, людей, занимающихся обменом продуктов, но не их производством. Это ясно показал Зомбарт в своей книге «Развитие Нар. Хоз. Германии в XIX веке». А ко всем этим слоям прибавляется еще все растущий слой рантье—стригателей купонов. Достаточно прогуляться по улицам современных больших городов с их бесконечными увеселительными и прочими заведениями, чтобы убедиться в этом. Все эти паразитические слои населения являются, однако, весьма усердными потребителями¹⁾.

Неумение объяснить пассивный баланс капиталистических стран является одной из причин ошибки Туган-Барановского, додумавшегося до возможности прекрасного расцвета капиталистического производства без всякого потребления, одного производства ради производства. И находятся же люди, смеющие себя называть марксистами и с пеной у рта защищающие несуразности Тугана!

Есть еще одно явление, противоречащее теории Розы. Это явление менее показательно, оно менее бьет в глаза, но все таки его также никак не объяснить с точки зрения теории накопления. Это факт недостатка дешевой рабочей силы в промышленных странах и вследствие этого постоянная иммиграция чужих, иностранных рабочих в эти страны. Ведь если теория накопления соответствовала бы действительности, то что должно было бы получиться? А вот что. Так как главное затруднение капитализма, особенно в эпоху империализма, состоит в сбыте части прибавочной стоимости, то это затруднение должно дать себя чувствовать в жизни. А каким образом? Понятно, что следующим образом. Затруднения сбыта должны вызывать безработицу, безработица—отлив рабочего населения за границу. Что же мы видим на самом деле? Как раз обратное явление. Из многих аграрных стран население эмигрирует в промышленные страны. Вот что мы по этому поводу чи-

1) Необходимо отметить, что это явление—рост паразитизма капиталистического города—начинает все сильнее и сильнее вызывать протесты сельского населения—крестьян. Это движение трудящегося крестьянства против паразитического города, весьма реакционное по своей форме, должно в конце концов стать революционным по существу и помогать пролетариату в его борьбе с эксплуататорами. Лучшее доказательство—Болгария. Крестьянское движение, во главе которого стоял Стамболийский, и ставило своей целью освобождение веждероба от гнета города-паразита. Оно тогда было реакционным по своей форме. Теперь оно идет рука об руку с коммунистами. Настоящие реакционеры—социал-демократы—которые объявляют реакционной всякую борьбу мелкобуржуазных слоев против капитализма, упорно не хотят понимать, что борьба крестьянина против паразитизма новейшего капитализма есть по существу революционное движение и при существовании коммунистического пролетарского движения должно в конце концов привести к союзу между крестьянством и пролетариатом для замены паразитического капитализма продуктивным социализмом.

таем у Ленина: «К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение иммиграции в эти страны из более отсталых стран с более низкой заработной платой»¹. Накануне войны мы и замечаем, как падает эмиграция, например, из Германии. Германия становится страной, куда ежегодно иммигрируют сотни тысяч рабочих из России, Австрии, Италии, и откуда ежегодно, несмотря на громадный естественный прирост населения (доходивший в последние годы накануне войны до 800—900 тыс. человек в год), эмигрирует ничтожное количество в 20—30 тыс. человек. То же самое и Франция. Факт эмиграции китайцев и японцев в Америку общеизвестен. Попытки отвести это возражение тем, что накануне мировой войны еще не было затруднений сбыта для капиталистов, так как еще существовало достаточно много некапиталистических стран—эта попытка не выдерживает никакой критики. Ведь затруднения реализации вызвана, согласно теории Розы, погоня за колониями, это есть главная причина захватнической политики империализма, и наконец, этим же вызвана и мировая война. Если же это так, то эти затруднения кое-где должны были замечаться. Не в эфирном же межпланетном пространстве. А в действительной реальной жизни. Ведь воюют же не за интересы отдаленнейшего будущего, а из-за столкновения конкретных интересов сегодняшнего дня. Если же вместо тех затруднений, которые вытекают из теории Розы, встречаемся с затруднениями как раз обратного характера, то отсюда мы имеем полное право заключать, что теория Розы ничего общего с конкретной действительностью не имеет, что эта теория, следовательно, как и заявляет Ленин, является ошибкой.

Наконец самое важное и самое серьезное. Из теории Розы Люксембург вытекает, и в ее книге это написано черным по белому, что колонии нужны капиталистам, главным образом, как рынок сбыта. Посмотрим, верно ли это, оправдывается ли это в реальной действительности. Действительно ли капиталистические державы гнались потому за колониями, что им необходимы были рынки для сбыта товаров своей промышленности? Действительно ли капиталистические страны и принимали все усилия для того, чтобы колонии эту роль свою выполняли? Действительно ли конкуренция при сбыте продуктов индустрии заставляла капиталистов требовать от своих государств все новых и новых завоеваний? Посмотрим, что нам говорят факты, что нам говорят цифры. Какой ответ они нам дают на все эти поставленные нами вопросы?

Если бы колонии являлись, главным образом, рынком сбыта, то совершенно непонятным становится следующее явление, известное всем знакомым с историей колоний и колониальной политикой капиталистических держав в последнее десятилетие XIX и начале XX века. В последние десятилетия накануне войны, почти все колонии были ограждены от товаров своих собственных метрополий (материнских стран)

¹) «Империализм», гл. 7. стр. 108.

пошлинами. Все правительства, владевшие колониями, принимали всяческие меры для развития в колониях местной промышленности. В то же время почти нигде, ни в одной колонии не существовали льготные тарифы в пользу товаров метрополии. Все товары чужих стран, как метрополии, так и других государств, при ввозе в колонии облагались почти всегда одинаковыми пошлинами. Канада и Австралия, правда, ввели у себя льготные тарифы для английских товаров. Но они это сделали самостоятельно без всякого давления со стороны Англии. Они, ведь, фактически и не являются колониями, в настоящем смысле этого слова. Они доминионы, т.-е. почти самостоятельные державы. Ввели они у себя льготные тарифы по отношению к английским товарам исключительно по своим внутренним соображениям. В английских же колониях, т.-е. в землях, не пользующихся самоуправлением, а находящихся в прямом ведении Англии, льготные тарифы в пользу английских товаров не существовали, и торговля Германии с этими колониями пышно расцветала. Все знают, как Англия дорожит Индией, и какие меры она принимает и принимала испокон веков для охраны путей в эту колонию. Одним росчерком пера Англия могла установить в Индии льготные тарифы для своих товаров, или совсем отменить на них пошлины. Она, однако, этого не сделала. Не существовали льготные тарифы и в колониях других государств, ни в колониях Германии, ни в колониях Голландии, ни в некоторых колониях Франции, и германская торговля с некоторыми французскими колониями развивалась гораздо успешнее даже, чем французская. По теории Розы должно было быть как раз наоборот. Раз колонии нужны, главным образом, как некапиталистические рынки для сбыта товаров промышленных стран, то капиталистические державы не должны были особенно заботиться о развитии в колониях собственной индустрии, не должны были пускать туда на одинаковых правах со своими товарами и товаров из других капиталистических стран; не должны были, наконец, устанавливать для своих собственных товаров пошлин. Они должны были, как раз наоборот, принимать меры, чтобы не допустить в колониальных странах развития местной промышленности. Т.-е. они должны были вести ту политику, которую до эпохи финансового капитализма—до середины XIX века вела по отношению к своим колониям Англия, но от которой она отказалась, как раз в эпоху империализма. Как мы видим, действительность во всем противоречит теории о роли колоний, как рынков сбыта.

Торговля с колониями.

Но пойдем дальше. Посмотрим, какова была действительная роль колоний, как рынков сбыта. И тут, оказывается, новый сюрприз. Конечно, колонии являлись рынком сбыта для капиталистических стран, но это были не только свои колонии, но и чужие. Германские колонии торговали, главным образом, с другими странами, не с Германией. В 1902 г. вся внешняя торговля германских колоний равнялась

ста миллионам золотых марок. Из них на долю Германии приходится около 29 миллионов марок, приблизительно $\frac{1}{3}$. В 1912 г. внешняя торговля германских колоний равняется 464 миллионам марок, из них на долю Германии приходится 93 миллиона марок—ровно $\frac{1}{5}$. Участие Германии в торговле со своими колониями относительно понижается в то время, как процент участия Германии в мировой торговле повышается. Зато вот в Марокко вывоз германских товаров растет прямо бешеным темпом. Если взять цифры германского экспорта в Марокко в 1907 г. за 100, то рост ввоза немецких товаров в эту французскую колонию выражается следующими числами: в 1909 г. он равнялся 279, в 1910—397, в 1911—445, в 1912—637, в 1913—1060. В абсолютных цифрах экспорт германских товаров в Марокко равнялся в 1909 г. 3,5 миллиона марок, в 1910—4,9 м. м., в 1911—5,5 м. м., в 1912—7,9 м. м., в 1913—13,2 м. м. Французская торговля с Марокко не росла таким темпом и, что особенно замечательно, после оккупации французами Марокко, т.-е. с 1911 г., вывоз немцев особенно быстро растет. Может быть, это беспокоит французов? На словах, может быть, да, на деле—нет. Когда Германия запротестовала против оккупации Марокко французами, первое слово французов было—свободная торговля. «Обеспечиваем вам равные права при торговле в Марокко». Немцы же этим ответом отнюдь не удовлетворились. Мы в дальнейшем увидим, каким языком разговаривали французы с немцами, когда речь шла о другом—об экспорте капиталов. Тогда уступок не было никаких. С первого же слова шли угрозы саблей и пушкой. А вот экспорт немецких товаров в Марокко французов совсем не тревожит. Журналисты иногда и плачутся об успехах этого экспорта. Но мало ли о чем пишут журналисты? Другое дело серьезные люди—люди политики и финансов. Их сон совсем не нарушается успехами германского экспорта в Марокко, и против этого экспорта никакие меры не принимаются.

Но, скажут в ответ,—то Германия. Ее сам бог обидел. Поздно она явилась на колониальный базар, ей достались худшие колонии, самые отбросы. Ее колонии—не пример. И хотя это возражение глубоко неверно (многие германские колонии имели прекрасное будущее и отличались своими выгодными позициями для торговли, как, например, Киа-Чау), но согласимся с этим возражением. Возьмем тогда Англию, владеющую лучшими колониями в мире. В среднем за 1905—1908 г.г., вывоз Англии в ее колонии кроме Египта, равнялся 32% всего ее вывоза. Может быть, это много. Но посмотрим, какую часть света составляли английские колонии. В английских колониях жило к тому времени около 400 миллионов человек. На всем земном шаре без Великобритании, которая в данном случае в счет не идет, жило около 1.460 миллионов человек. Население колоний Великобритании было немногим больше $\frac{1}{4}$ населения всего земного шара, а Англия туда экспортировала немногим больше $\frac{1}{4}$ всего своего экспорта, т.-е. на долю английских колоний приходится почти столько же, сколько на долю любой другой части земного шара, имеющей столько же жителей, сколько английские колонии. Если еще принять во внимание, что

многие английские колонии по своему местоположению принуждены были торговать с Англией, так как она ближе всего к ним расположена и имеет величайший торговый флот в мире и лучшие гавани и т. д., то всякие преимущества от политического владения колониями для развития английского экспорта исчезают. Рассмотрим еще несколько цифр. С 1897 г. по 1907 г. английский экспорт в Индию возрос на 74%, германский же—на 150%. И Англия никаких мер против этого не принимает. Ее это ничуть не беспокоит. Ведь ей легко было препятствовать развитию германского экспорта в Индию, хотя бы установлением пошлин, о чем мы уже упоминали. А она упорно ничего не делает. Зато мы скоро увидим, с каким вниманием Англия следила за экспортом германских капиталов. Постройка Германией какой-нибудь железной дороги вблизи (т.-е. вдали—этак на расстоянии 2.000 километров) границ Индии выводит Англию из терпения. Она буквально теряет равновесие. Ее министры начинают страдать бессонницей, и для успокоения их нервов английский флот (в 1904 г.), быстро захватывает Кувейт, турецкую гавань персидского залива, и объявляет ее собственностью английской короны. Но об этом потом. И не только с Индией происходит такой казус. С Южной Африкой дела обстоят не лучше. В 1910 г. Германия ввозит туда в два раза больше товаров, чем в 1898 г., т.-е. чем до завоевания Южной Африки англичанами. Скажут: что же могла Англия сделать? Южная Африка—доминион, почти самостоятельная держава. Так вот другой пример из другой колонии. Торговля Англии с Египтом равнялась в 1884 г. (два года после оккупации Египта англичанами, которая, как известно, состоялась в 1882 г.) 52,6% всей внешней торговли Египта, торговля же Германии равнялась только 0,25% внешней торговли Египта. В 1910 году, 28 лет после оккупации, картина резко меняется: участие Великобритании в торговле Египта равняется всего 40%, т.-е. относительно падает, зато участие Германии достигает уже 8%. Скажут—известное дело: германская конкуренция. Но почему же Англия спокойно наблюдает эту конкуренцию и не ставит ей никаких преград? Ведь с Египтом Англия не бог весть как церемонилась! Сидел же в Египте английский комиссар, без разрешения которого египтяне фактически и глазом моргнуть не смели. Почему же он не принимал никаких мер против германской торговли? Наоборот, Английский комиссар неоднократно советовал египтянам делать заказы в Германии или в Бельгии, так как там товары дешевле. На вопрос изумленных египтян комиссар ответил: «я обязан, по приказу английского правительства, соблюдать интересы Египта, а не Англии». Что же это такое? Или англичане в Египте действительно превратились из бульдогов и агнцев? (К сведению читателей, главнокомандующим войск Англии и фактическим хозяином в Египте, долгое время был такой «ягненок», как лорд Китченер). В Египте англичане владели железными дорогами, хлопковыми плантациями, портами, Суэцким каналом. У них было достаточно возможностей, чтобы бороться против германской конкуренции. Почему же они их не применяли? Пусть горе-защитники теории Розы, вытавшиеся Ленина и даже чуть

ли не Маркса превратить в ее сторонников (вопреки самой Розе даже: см. статью т. Мотылева¹⁾ в «Вестнике Соц. Академии» за 1923 г., № 4 и статью т. Бессонова в «Спутнике Коммуниста» за июнь—июль 1923 г.), пусть они укажут на те шаги, которые Англия, английское правительство делало для уничтожения германской конкуренции в Египте или в Индии.

А вот если бы германцы захотели строить железные дороги в Египте, если бы они захотели разводить свои хлопковые плантации там, если бы задумали получить концессию на постройку портов в Египте—о, тогда англичане показали бы немедленно свои зубы бульдога. О таких вещах немцы не смели даже мечтать. Это все вещи общеизвестные. И над разрешением этих непонятных явлений буржуазные историки, и экономисты, и специалисты по колониальной политике достаточно ломали себе голову. Накануне войны многие буржуазные ученые также считали, что главное значение колоний заключается в потреблении ими товаров промышленных стран, в развитии внешней торговли метрополии. У них, правда, это не было додумано до конца, как у Розы, их взгляды не так глубоки, как теория Розы. Буржуазная наука поверхностна, в корень она боится заглядывать. Но все-таки и они задумывались над этими странными, как будто, явлениями в колониальной политике капиталистических держав. Для их объяснения были придуманы разные теории. Некоторые экономисты вообще стали отрицать пользу колоний для капиталистических стран и повторяли слова д'Израэли, что колонии являются жерновами на шее метрополии. Другие экономисты додумались до такой несуразности, которую можно назвать кукушкой (кукушка, как известно, кладет яйца в чужие гнезда) теорией колониальной политики. Колонии, конечно, важны, как рынки сбыта,—утверждали эти экономисты,—но не свои колонии, а чужие. Свои колонии вызывают страшные расходы по их завоеванию, усмирению, управлению. Они поэтому истощают метрополию. Другое дело чужие колонии. Они расходов никаких не требуют, государственного бюджета не обременяют, зато торговать с ними можно сколько угодно. Лучшее доказательство—Германия. Промышленный расцвет Германии в XX веке и объясняется,—говорили эти экономисты,—тем, что у нее так мало колоний. А кот Васька слушает да ест. Капиталистические державы продолжали бешеную погоню за колониями, готовы были вызвать мировую войну из-за какой-нибудь области внутренней Африки. Но в то же время они не принимали почти никаких мер для того, чтобы закреплять колонии только за своими товарами, только за своим экспортом. Наоборот, как выше было уже сказано, они ограждали колонии и от своего ввоза, облагали и свои товары пошлинами, и всячески старались развивать в своих колониях промышленность. Было, правда, время, когда Англия заботилась о закреплении

¹⁾ Эта статья представляет собою поразительный пример упрощенного понимания духа и задач II тома Капитала Маркса, понимания, достойного чуть ли не Фейдиграта (см. биографию Маркса у Морвнга гл. 12, разд. 4). Некоторые правдивые замечания по этому поводу в статье т. Лейкина в № 7 «Востника Комм. Академии».

колоний только за своей торговлей, когда она препятствовала как ввозу чужих товаров в колонии, так и развитию в колониях собственной промышленности. То было в начале и даже в середине еще XIX века. Тогда знаменитый немецкий поэт Грильпарцер в следующих едких стихах изобразил английскую политику: *Ihr schwärmt enzückt mit verklärten Blicken, für die Freiheit der Länder, die ohne Fabriken*. («Вы мечтаете восхищенные, с задумчивыми взорами о свободе стран, у которых нет фабрик»). Но это время кануло в вечность. Как раз в эпоху империализма Англия отказалась от этой политики и стала проводить диаметрально противоположную политику. Некоторые буржуазные ученые оперировали этими фактами для борьбы с марксизмом. Не экономические интересы лежат в основе завоевательной политики,—говорили они,— а стремление каждого организма, в том числе и государственного, к господству, к расширению власти. Речь идет не о том, кто будет торговать в колониях, а чей флаг будет там развиваться. Мы в дальнейшем увидим, шла ли в действительности речь о флаге или о нечто более существенном. Но факт остается фактом. С точки зрения теории Розы Люксембург, колониальную политику, которую вели как раз в эпоху империализма капиталистические державы по отношению к своим колониям, никак объяснить нельзя. Эта политика, с точки зрения этой теории, полна несуразностей. Или, действительно, господа капиталисты не понимали своих интересов???

Развитие мировой торговли в эпоху империализма.

Если верно, что захватническая политика империализма вызвана погоней за колониями, как за рынками сбыта, то обострение империалистических захватнических тенденций в конце XIX столетия и особенно в начале XX столетия, накануне мировой войны, должно объясняться затруднениями сбыта товаров, затруднениями во внешней торговле. Между тем, факты говорят, что ничего подобного не было. Как раз, начиная с 90-х годов XIX века, внешняя торговля капиталистических стран процветала и развивалась, как никогда. Одной из главных причин мировой войны является, как известно, конкуренция между Англией и Германией. Между тем, в области внешней торговли эта конкуренция была особенно остра в 70-х и 80-х годах прошлого века. В 1884 г. в Англии была основана империалистическая Лига «Imperial Federation League». Целью этой Лиги и была борьба против свободной торговли в Англии, введение пошлин и таможенное объединение Англии с колониями. В 1887 г. Англия для борьбы с германской конкуренцией ввела знаменитый закон о фабричных марках, о «Made in Germany» (сделано в Германии). 70-е, 80-е и начало 90-х годов XIX века являются годами действительного застоя в английской торговле. Вся внешняя торговля Англии в 1862 г. равнялась 9,1 миллиардам марок; в 1898 г. она равнялась 15,6 миллиардам марок. В течение 36-ти лет внешняя торговля Англии даже не удвоилась. В то время Германия дей-

ствительно побывала Англию. И удивительное дело! Англия тогда не только не думает о войне с Германией. Наоборот. Сейчас уже всем известен тот факт, что в 70-е, 80-е и даже еще в 90-е годы Англия была скрытым союзником Германии. И всячески поддерживала тройственный союз. Последнее предложение о союзе Англия сделала Германии еще в начале XX века. Закон о Made in Germany отнюдь не мешал их политической дружбе. Врагом Англии была тогда Франция. Еще в 1898 г. между Англией и Францией из-за Фашоды (местности в Судане) чуть не вспыхнула война. С конца XIX века торговая конкуренция между Англией и Германией начинает исчезать. Торговые дела Англии начинают улучшаться и скоро становятся блестящими. Лучшее доказательство—следующие цифры об английском экспорте. Он равнялся в миллиардах марок в 1898 г. 6-ти, в 1899—6,7, в 1901—7,1, в 1905—8,3, в 1913—13. Вся внешняя торговля Великобритании с 1862 г. по 1900 г., т.-е. за 39 лет, увеличилась всего на 10 миллиардов марок, а с 1910—1912 г., т.-е. за 12 лет, тоже на 10 миллиардов марок. В 1890 г. на голову жителя Великобритании приходится 144 марки вывоза, на голову жителя Германии—68 марок. Перевес у англичанина 76 марок. В 1911 г. на голову англичанина приходится 205 марок экспорта, на голову же немца—123. Перевес у англичанина на 83 марки уже. Безработица в профессиональных союзах в Англии была в процентах в 1911 г. 3, в 1912—3,2, в 1913—2,1. В Германии: в 1911—1,7, в 1912—2, в 1913—2,9. С другой стороны, Англия и Германия были между собой теснейшим образом связаны. Германия занимала второе место в английском экспорте (после Индии). Англия занимала первое место в германском экспорте. В 1913 г. Германия экспортировала в Англию на 1438 миллионов марок товаров. Англия в Германию—на 876,1 милл. марок. Английский экспорт во все африканские колонии не равнялся даже половине ее экспорта в Германию. Если же исключить Южную Африку, то экспорт английских товаров в Германию больше, чем в восемь раз, превышал экспорт этих товаров в африканские колонии. Расцвет английской торговли в XX веке, как известно, и является причиной неудачи кампании Чемберлена и империалистической Лиги против свободной торговли в Англии. Правда, по старой привычке о торговой конкуренции Германии в Англии некоторое время продолжали еще говорить и писать, но к концу первого десятилетия XX века и разговоры эти прекратились. Стали говорить не о торговой конкуренции, а о политической. Торговцы, наоборот, были весьма миролюбиво настроены. Воинствующие писатели кричали больше о политической опасности со стороны Германии. Они стремились доказать, что, несмотря на теснейшие торговые узы, связывающие Германию и Англию, война между ними неизбежна из-за политического соперничества, из-за германского флота, милитаризма и т. д. Внешняя торговля Англии развивалась, как никогда, и узы ее с Германией все крепили. Развивалась и торговля Германии. В 1890 г. внешняя торговля Германии равнялась в миллиардах марок 8,2, в 1895 г.—8,1, в 1899 г.—10,3, в 1901 г.—10,4, в 1905—13,7,

в 1913—22,5. Шульце-Геве́рниц даже доказал, и вполне правильно, что между Англией и Германией установилось своего рода разделение труда, что Англия и Германия друг друга дополняют на международном рынке, что торговый расцвет одной страны немислим без под'ема другой. Теперь, после мировой войны и 5-ти лет Версаля, многое из прошлого нам стало ясным. Теперь в этом утверждении Шульце-Геве́рница никто из серьезных экономистов не сомневается. Это доказано засто́ем в Англии после экономического разгрома Германии. Теперь это стало азбу́чной истиной. Нет ни одного серьезного экономиста, который бы не утверждал, что безработица в Англии окончательно исчезнет только после экономического восстановления Германии. А между тем, как раз тогда, с начала XX века, политическая вражда между Англией и Германией все обострялась и принимала все более грозные формы. Чем это объяснить? Пишущему эти строки неизвестен ни один серьезный международный конфликт в течение последних десятилетий накануне мировой войны, который был бы вызван торговой конкуренцией, кроме австро-сербского (Австрия затрудняла транзит сербских товаров, главным образом, рогатого скота и свиней, как этого требовали интересы ее аграриев, в особенности венгерских магнатов). Может быть, сторонники Розы возьмутся доказать, что главной причиной мировой войны и является невозможность для свинопасов Сербии реализации всей прибавочной стоимости?

Если же существовала торговая конкуренция, так совсем между двумя другими странами—между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Англией. Правда, и эта конкуренция была не особенно грозная. Но она была куда, куда серьезнее германо-английской. Сев.-Амер. Соединенные Штаты, а не Германия, занимали первое место в английском импорте. Сев.-Ам. Соединенные Штаты почти окончательно вытеснили Англию с канадского рынка. Участие Англии во внешней торговле Канады равнялось 27%, в то время как ее участие во внешней торговле Аргентины равнялось 32%. В последние годы накануне мировой войны американский экспорт в Канаду в три раза превышал английский экспорт тула же. Из суммы ввоза в английские колонии за 1889—91 г.г. Германия занимала 2%, а Соедин. Штаты 9,6%. За 1899—1901 годы Соед. Штаты 14,5%, а Германия всего 3,4%. Всякий, знакомый хотя бы поверхностно с народным хозяйством Англии, знает, какую роль для этой страны играют и играли с начала XIX века рынки Южной и Средней Америки. А Соед. Штаты постепенно вытесняли Англию и оттуда. Вся внешняя торговля Южной и Средней Америки в 1912 году равнялась 12 миллиардам марок. Из них на долю Англии приходится 22%, на долю Германии всего 14%, а на долю Соед. Штатов целых 30%. И проф. Ленц, ссылаясь на подобные факты, восклицает по адресу марксистов: «Что ж, и после всего этого будете утверждать, что в основе политики лежит экономика, а не расовая проблема? Как же вы объясните эти факты? Почему Англия дружит с Америкой и воюет с Германией?» Словом, из-за колоний, из-за рынков сбыта, из-за интересов внешней торговли воевать не было никаких оснований.

Пацифизм и социал-оппортунизм.

Социал-оппортунисты во главе с Бернштейном, а отчасти и Каутским, и буржуазные пацифисты придерживались того мнения, что из-за колоний, из-за интересов торговли, воевать не выгодно и не нужно. В то время, как мы, большевики, утверждали, что империализм имманентно присущ теперешней стадии капитализма, что поэтому борьба против империалистической резни бесполезна, если она не ведется против капитализма вообще, социал-оппортунисты и пацифисты были и остаются совершенно другого мнения. Норман Энжель, глава английских пацифистов, выпустил накануне войны весьма интересную книгу: «Великая иллюзия». Эта интересная книга была переведена почти на все европейские языки и разошлась в миллионах экземпляров. В своей книге Энжель с цифрами в руках доказывает не более и не менее, как то, что капитализму милитаризм вовсе не нужен, что война весьма невыгодна для промышленных стран, даже для победителей, что причиной милитаризма и империализма является людское невежество. Надо просвещать людей, доказать им и показать, что война совсем вредное и убыточное дело. Тогда войны исчезнут, как исчезли торговля рабами, сжигание ведьм и тому подобные вредные общественные явления. Такого же мнения был и глава социал-оппортунистов, Бернштейн, и он в своей книге «Английская опасность и немецкий народ» доказывает, что империализм—плод недоразумений, что возможен мирный демократический капитализм, а поэтому необходимо бороться против империализма, а не против капитализма вообще. И Норман Энжель и Бернштейн доказывают свои утверждения с цифрами в руках. В чем же их ошибка? Ведь цифры у них верные, факты правдивые.

Как это ни странно, но приходится сказать, что ошибка у социал-оппортунистов и пацифистов общая с Розой Люксембург. И пацифисты и оппортунисты исходят из того положения, что войны происходят из-за колоний. Колонии же нужны капитализму, главным образом, как рынки сбыта. Т.-е. они исходят из того-же положения, из которого исходит Роза Люксембург. И у них, и у Розы общее объяснение империализма. Но в то время, как Роза считает это положение неопровержимыми и незыблемыми, в то время как она придерживается того мнения, что капитализм без колоний не может развиваться, что они ему необходимы, как воздух для легких, Норман Энжель, Бернштейн и др. посмотрели на действительность, изучали ее и увидели, что это положение не оправдывается. Отсюда они сделали вывод—капиталисты ошибаются в своих расчетах. Империализм—плод недоразумения и невежества. Колонии совсем уж не так необходимы, как рынки сбыта. Да и для сбыта в них товаров нечего воевать. Это возможно и без войны. Можно торговать и с колониями других государств. И торговая конкуренция капиталистических держав совсем не так уж грозна. Наоборот, торговля промышленных стран процветает. Международный товарообмен все развивается и без особых затруднений. Емкость мирового рынка все расширяется. Затруднения сбыта, бывшие

в 70-е, 80-е и частично еще в 90-е годы XIX века, исчезли. Так зачем же вооружаться? Зачем же готовиться к новым войнам? Зачем тратить миллиарды на армии и флоты? Зачем обременять государственный бюджет этими ненужными и непроизводительными расходами? Давайте просвещать народ, доказывать, что воевать ему не из-за чего. И когда все в этом убедятся, милитаризм умрет естественной смертью без революции, без гражданской войны. Капитализм же останется жить на благо всего человечества, в особенности на благо социал-оппортунистов и пацифистов. Правы ли были социал-оппортунисты и пацифисты? Капиталисты ли не поняли своих задач или социал-оппортунисты не поняли новейшего капитализма? И если социал-оппортунисты ошибались, то в чем их ошибка? В чем кроется причина мировой войны и небывалого расцвета милитаризма накануне войны? Чего не заметили социал-оппортунисты и пацифисты? А не заметили они главного слона — финансового капитализма. Они почти совсем проглядели экспорт капиталов. Они не постигли или не хотели постичь великого значения этого явления в развитии капиталистического хозяйства в эпоху империализма. Они не замечали, что колонии нужны капиталистам не столько как рынки сбыта, сколько как источник сырья, и, что особенно важно, для экспорта капиталов. А это совсем иная песнь — иные слова, иной мотив, иной певец.

Экспорт капиталов и борьба из-за источников сырья.

В книге Ленина «Империализм», издание второе, глава 7-я, страница 72, читаем о третьем признаке империализма по Ленину: «Вывоз капиталов, в отличие от вывоза товаров, приобретает особое значение». На странице 75-й той же книги читаем цитату из Гобсона, с которым Ленин в данном случае вполне согласен: «Новый империализм отличается от старого, во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала». Почему экспорт капиталов так важен для империалистических стран? Именно потому, что капиталистические страны больше ввозят товаров, чем вывозят, они нуждаются в такой сильной степени в экспорте капиталов. Ведь платить за товары надо. А чем платить за излишек ввоза над вывозом? Одним и самым важным источником для покрытия этого дефицита и является экспорт капиталов. За капиталы платят проценты, в мало развитых странах даже очень высокие проценты. Все народы мира постепенно превращаются в данников трех — четырех капиталистических держав кредиторов всего мира. Эти державы постепенно превращаются в рантье. Их главными доходами постепенно становятся проценты с экспортируемых капиталов. Ленинская теория империализма действительно объясняет нам весь ход мировых событий до и во время мировой войны. Она рассеивает все наши недоразумения, дает нам точные ответы на все наши вопросы, всякие неясности исчезают. Мы не только получаем возможность по мар-

ксистски объяснить все перипетии международной политики в эпоху империализма, но марксистское объяснение оказывается единственно возможным, годным, отвечающим на все вопросы.

Почему Англия установила в Индии пошлины на английские же товары? Потому, что английскому финансовому капиталу выгоднее развитие промышленности в Индии, чем в Англии. В Англии до войны капиталы, помещенные в промышленность, давали 5—6, максимум 9—10% дохода, а английские капиталы, помещенные в Индии, давали нередко 30—40%. Джутовые фабрики в Калькутте, принадлежащие англичанам же, давали чуть ли не 50% дохода. Конечно, английским капиталистам выгоднее, если индусы потребляют товары индусской промышленности, чем если они покупают английские. ¹⁾

Почему Англия в 80-е и 90-е годы враждовала с Францией? Да потому, что тогда, как известно всем и всякому, Франция была единственным конкурентом Англии по экспорту капиталов. Германия тогда капиталов за границу почти совсем не экспортировала. У нее самой их было мало. Поэтому Англия тогда была скрытым союзником Германии, хотя германские товары частично побивали тогда английские. Поэтому Англия подерживала тройственный союз. С конца XIX века картина резко изменяется. Германия начинает все усиленнее и усиленнее вывозить капиталы. Франция начинает отставать. Тогда Англия поворачивает фронт. Торговая конкуренция ее с Германией, правда, ослабевала, зато интересы их финансовых капитализмов все больше и больше сталкивались. А это дело серьезное. В эпоху империализма интересы вывоза капиталов господствуют, они определяют собой политику капиталистических держав. Германия вывозила с 1902—1914 г. 32 миллиарда франков, Франция же—около 25 миллиардов (у Ленина есть две цифры, правильнее последняя). Англия—38 миллиардов. Это по данным Ленина; по последним же, новейшим данным, развитие шло еще быстрее, и конкуренция Германии с Англией на этом поприще стала все острее.

Так, по некоторым данным, экспорт капиталов из Англии равнялся:

за 1895—1904	—	250	миллионам фунтов
» 1905—1909	—	547	» »
» 1910	—	150	» »
» 1911	—	192	» »
» 1912	—	226	» »

¹⁾ Почему капиталы в колониях дают так много дохода? В колониях рабочая сила дешевле. Кроме того, накладных расходов куда меньше. Нет, если перевозить индусский хлопок в Англию, там его перерабатывать и обратно отправлять в Индию, сколько расходов по одной перевозке! Капиталисту ткань, выработанная в самой Индии, поэтому обходится дешевле. Кроме того, в колониях куда дешевле земля, необходимым на постройки. Товары для колонии могут быть и качеством пониже. Население колоний не акты как избаловано в этом отношении. И еще много причин.

По данным Гобсона за 1914 г. экспорт капитала из Англии в миллионах фунтов был равен:

в 1900—31,2	в 1905—62,8	
» 1901—13	» 1906—104	в 1910—150
» 1902—11,2	» 1907—140	» 1911—192
» 1903—23	» 1908—129	» 1912—226
» 1904—27	» 1909—110	

По другим данным Гобсона эмиссия ценных бумаг в Англии равнялась (в миллионах фунтов стерлингов):

Годы.	Местные.	Иностран. цен. бумаги.
1900	100	32
1901	107	28
1902	75	67
1903	45	64
1904	50	73
1905	48	120
1906	39	82
1907	33	90
1908	50	142
1909	19	204
1910	60.	207
1911	26	167
1912	45	165

Из этой таблицы ясно видно стремление капиталов эмигрировать за границу. Англия сама не особенно нуждается в капиталах, и они устремляются в страны, бедные капиталами. Подобную тенденцию мы в дальнейшем заметим и у Франции. По данным Пейша, Англия имела в 1910 г. капиталов: в колониях—1554,15 миллионов фунтов, в чужих странах—1637,7 милл. ф. Дальнейший рост английского капитала выражается, по Пейшу, в следующих числах:

1911—169,2	миллионов фунтов,
1912—212,3	» »
1913—248,2	» »

из них помещено в самой Англии: 134,24 мил. фунтов,
в колониях 224,9 » »
за границей 297,63 » »

Капиталы все больше отливают за границу. Колонии занимают в экспорте капиталов важное место. В них экспортируются почти 50% всех капиталов, эмигрирующих из Англии. В экспорте английских товаров колонии, как мы видели, занимали гораздо менее важное место. На их долю приходилось всего около 32% английского вывоза. Но в последние годы накануне войны английские капиталы все больше уходят в чужие страны. Даже в колониях им становится все теснее и теснее. По данным Эльяшева в его книге: «Англо-германские отноше-

ния» английских капиталов было за границей (в миллионах фунтов стерлингов):

В колониях:	1896	1910
Индия и Цейлон	294	430
Австралия	323	395
Африка	339	391
Канада	140	365
В других колониях	33	71
<hr/>		
Итого	1120	1652

В чужих странах:

Соединен. Штаты	315	610
Аргентина	117	292
Бразилия	45	105
Мексика	27	73
Япония	13	69
Чили	29	44
Египет	51	72
Европа	254	151
Китай	26	31
<hr/>		
Итого	877	1447

В этой таблице Египет фигурирует как независимая страна. На самом деле его следует отнести к английским колониям. Тогда перевес колоний в экспорте английских капиталов станет еще более значительный. Но что наиболее замечательное в этой таблице, так это, несомненно, отлив английских капиталов из Европы. В 1910 г. Англия имеет на 100 миллионов фунтов стерлингов меньше капиталов в Европе, чем в 1896 г. Выгоднее помещать капиталы в странах менее развитых, и поэтому английские капиталы покидают Европу и уходят за океан. По сведениям, приведенным тов. Лариным в его книжке «Америка и война», за 11 лет до войны с 1903 по 1913 г. английскими капиталистами было помещено в Англии 452 мил. фунт. стер., в колониях — 626 м. ф. стерл., за границей — 808 м. ф. стерл.

В течение первых пяти лет было помещено в Англии 217 мил. ф. с. Вне Англии—419 мил. ф. с. В течение последних 6-ти лет в Англии—235 м. ф. с., вне Англии—1015 м. ф. с. Из них в Турции, Германии, Австрии и Болгарии всего 12 м. ф. с. В железных дорогах Южной Америки было вложено 6 миллиардов английского капитала. Всего накануне войны было за границей, по словам Ллойд Джорджа, около 4-х миллиардов фунтов английского капитала. Эта же цифра называется и многими экономистами и может считаться весьма близкой к истине.

Франция имела меньше капиталов за границей, чем Англия. Накопление богатств во Франции весьма отставало от английского. Ежегодное накопление во Франции равнялось: в 1903—1911 г.г. приблизительно 2 миллиардам франк. в год; с 1903—1911 г.г. приблизительно

3½ миллиардов франков в год. В то же время внутри страны и в промышленности и торговле вкладывалось ежегодно за время с 1891 по 1910 г. около 600—700 миллионов франков. Остальное уходило почти исключительно за границу. По сведениям Гельфриха, накопление во Франции равнялось 2-м миллиардам марок в год, но эта цифра, несомненно, не соответствует истине. Она преуменьшена. По данным Гобсона, эмиссия ценных бумаг во Франции равнялась:

Годы.	Местные.	Иностранные.
1900	51 м. ф. ст.	54 м. ф. ст.
1901	26 »	82 »
1902	12 »	57 »
1903	31 »	94 »
1904	18 »	115 »
1905	35 »	120 »
1906	35 »	168 »
1907	39 »	75 »
1908	29 »	110 »
1909	71 »	100 »
1910	35 »	189 »
1911	32 »	155 »
1912	78 »	123 »

Тут мы видим уже яркий образец государства-рантье, помещающего нередко в пять раз больше капиталов за границей, чем у себя на родине. По сведениям Рорбаха, в 1914 г. Франция имела накануне войны за границей 40—45 миллиардов франков.

Из них в России было около 20 миллиардов франков

»	• Испании	»	3	»	»
»	Португалии	»	2	»	»
»	Италии	»	1,5	»	»
»	Австро-Венгрии	»	3	»	»
»	Балканах	»	1	»	»
»	Турции	»	2,5	»	»
»	Китае	»	1,2	»	»
»	Египте	»	1,5	»	»
»	Южн. Африке	»	1,5	»	»
»	Южн. Америке	»	4	»	»

Профессор Эйленбург в своей статье в «Weltwirtschaftliches Archiv» за 1923 г. считает сумму французских капиталов, помещенных накануне войны за границей, равной 50 миллиардам франков.

Совсем иную картину представляет Германия. Ее накопление превосходило накопление Англии и Франции. Оно в среднем равнялось 6—7 миллиардам марок в год (все денежные единицы, приводимые в данной работе, взяты по их довоенному паритету. Одна марка равняется—1,25 франка, 1 фунт равняется—20,4 марок, 1 доллар равняется 4,2 марок, 1 рубль равняется 2,16 марок). В последние же годы накануне войны оно равнялось уже 8—9 млрд. мар. в год. Между тем, вывоз капи-

талов из Германиивзн а чительнейшей степени отставал от английского и не превосходил, если не отставал, французского. Так Кайнс считает, что Германия имела накануне войны за границей всего 1250 миллионов фунтов стерлингов. Гельферих в 1913 г. считал германских капиталов за границей около 20-ти миллиардов марок. По сведениям немецкого «Экономиста», курсовая стоимость бумаг, допущенных на немецкую биржу с 1885—1913 г. равнялась 59-ти миллиардам марок, из них заграничных было 11,8 миллиардов марок. С 1910—1913 г. было допущено бумаг всего на 11,2 миллиардов марок, из них заграничных было 1,88 миллиарда. Эйленбург в своей вышеупомянутой статье оценивает все германские вклады и иностранные ценные бумаги в 20 миллиардов марок. Кроме того, Германия имела за границей свои предприятия. Их стоимость не определена. Только в Соединенных Штатах известно, что она равнялась приблизительно 1,5 миллиарда марок. По данным комиссии экспортов все заграничные капиталы Германии накануне войны равнялись 28 миллиардам марок. Как бы то ни было, эмиграция германских капиталов за границу по сравнению с накоплением в Германии весьма отставала от эмиграции английских и французских капиталов. В то же время, как на голову жителя Франции и Англии приходилось иностранных вкладов до 900 марок, на голову немца их приходилось всего до 300—350—400 марок. Франция и Англия имели за границей до $\frac{1}{8}$ своих национальных богатств; Германия же—всего $\frac{1}{13}$ — $\frac{1}{20}$. Германские капиталы рвались за границу но для них места не было. Германия вынуждена была вкладывать свои капиталы в наименее выгодные иностранные предприятия, да в отдаленных странах, где ее политическое влияние было не особенно сильно. Мы в дальнейшем увидим, к чему это привело. В своей статье в «Zeitschrift für Sozialwissenschaft» за 1915 г. Пауль Арндт приводит следующие данные о немецких заграничных капиталах накануне войны:

Германия в миллионах марок.

Страна:	1897—1906 г.	1907—1914 г.	Всего:
Австрия	797	1.090	1.887
Венгрия	582	1.474	2.056
Босния	85	51	136
Бельгия	2	58	60
Люксембург	23	—	23
Нидерланды	67	3	70
Швейцария	156	138	296
Англия	6	60	66
Дания	523	464	987
Норвегия	61	11	72
Швеция	318	23	341
Финляндия	33	141	174
Россия	3.231	1.042	4.273
Испания	1,1	3	14

Страна:	1897—1906 г.	1907—1914 г.	Всего:
Португалия	15	—	15
Италия	131	40	171
Румыния	475	513	988
Болгария	91	81	172
Сербия	152	30	182
Турция	353	296	649
Итого	7111	5498	12.632

Америка в миллионах марок.

Соед. Штаты	3.842	476	4.318
Канада	153	666	819
Куба	147	23	170
Доминго	—	84	84
Аргентина	57	569	626
Бразилия	78	82	160
Чили	76	120	196
Мексика	578	507	1.085
Итого	4931	2527	7458

Азия.

Китай	336	348	714
Япония	1.290	444	1.734
Сиам	61	—	61
Итого	1.717	792	2.509

Африка.

Либерия	—	7	7
Марокко	—	82	82
Родезия	—	61	61
Итого	—	150	140
Всего	13.701	9.048	22.749

Тут мы видим, во-первых, что германские капиталы, в отличие от капиталов Англии и даже Франции, помещены в сравнительно развитых странах, т.-е. в таких странах, где доходы с экспортируемых капиталов не так уж высоки. В Европе (исключая Россию и Турцию) помещено около 8 миллиардов капитала из 22 мил., о которых у Арндта имеются сведения, т.-е. около 4/11 всего заграничного капитала Германии были помещены в сравнительно капиталистических странах Европы. Во-вторых, мы из этой таблицы видим замедление германского

экспорта капитала как раз в последнее десятилетие накануне войны. Германским капиталам было тесно, но для них отдушины не было. В то время, как Англия и Франция продолжали усиленный экспорт капитала, Германия должна была отставать, несмотря на то, что накопление внутри Германии во много раз превышало накопление во Франции и даже в Англии. Граф Чернин в своей книге о мировой войне говорит, что национальные страсти угнетенных народов Австро-Венгрии взорвали мир. Это не совсем верно. Национальные страсти угнетенных народов Австро-Венгрии были использованы капиталистами в их борьбе не на жизнь, а на смерть. Мир же был взорван вследствие стремления к экспансии германского капитала, для которого места под луной не оказалось.

Поэтому Германия так страстно отстаивала свою концессию на Багдадскую железную дорогу, поэтому она так упорно защищала свои концессии в Марокко. Это и является, как мы в дальнейшем увидим, и причиной ее стремления к сильному военному флоту. Недостатком экспорта капиталов, быть может, и объясняются германские пошрины, которые, как известно, главным образом касались продуктов питания. Германии не так легко было, как Франции и особенно Англии покрывать свой дефицит по внешней торговле доходами с заграничных капиталов. Она вынуждена была поэтому принимать все меры для сокращения ввоза продуктов питания. Этому она достигала двумя способами. Во-первых, развитием внутреннего земледелия, во-вторых, сокращением потребления своего пролетариата. Реальная заработная плата в Германии накануне войны была гораздо ниже, чем в Англии и даже во Франции.

Большую роль в колониальной политике европейских стран играла также погоня за источниками сырья. Ею, главным образом, объясняется также вражда между Германией и Францией. В области экспорта капиталов Германия слабо конкурировала с Францией. Франция вкладывала свои капиталы преимущественно в государственные займы; Германия же, на подобие Англии, главным образом, — в промышленные предприятия и транспорт. Германия имела самые богатые в Европе каменноугольные копи; Франция же — самые богатые железные рудники. Германии необходимо было железо; Франции же — уголь. Но нужда в железе не была так остра. Железную руду достать было не так трудно, да и ее перевозка не так много стоит¹). Зато с углем дело обстоит хуже. Уголь перевозить невыгоднее, чем железо. В течение 1885—1905 г.г. Франция ежегодно переплачивала в среднем на каждую тонну угля на 36% дороже, чем Германия, и на 45% дороже, чем Англия. Средняя цена тонны угля в 1912 г. во франках была: в Англии — 11,25, в Германии — 13,15, во Франции — 15,63. Добыча железной руды в Германии равнялась в миллионах тонн: в 1902 г. — 17,96, в 1905 г. — 23,4, в 1910 г. — 28,7, в 1912 г. — 32,6. Во Франции же добыча руды, включая Алжир и Тунис, равнялась в 1895 г. — 7,9, в 1910 г. — 16,2, в 1911 г. — 18,1, в 1912 г. — 20,7, в 1913 г. — 23,6 миллионов тонн. В то же время потребление железа в 1912 г. в миллионах тоннах равнялось: Германия — 43,5, Франция — только 12,29. Значительную часть своей руды

¹ На худ руды необходимо 2 пулл угля.

Франция, за неимением своего угля, принуждена была экспортировать за границу. Экспорт руды из Франции в миллионах тонн равнялся:

1900	0,32	1911	6,17
1905	1,35	1912	8,32
1908	2,38	1913	9,74
1910	4,89		

Из этого экспорта Германия импортировала: в 1912 г. — 2,7 миллиона тонн, в 1913 — 3,8 миллиона тонн. Зато Германия экспортировала в большом количестве во Францию готовые железные изделия. Французская руда жаждала немецкого угля. И эта жажда является главной причиной, почему Франция никак не могла забыть раны, нанесенные ей франкфуртским миром. Россия была разбита Японией, и скоро после этого стала ее политическим другом. Австрия была разбита Германией—это, однако, не помешало ей стать наиболее тесной союзницей Германии. Италия уступила Франции три чисто итальянских области—Ниццу (родину Гарибальди), Савойю и Корсику и все таки была политической союзницей Франции. Одна Франция не могла забыть уступки Эльзас-Лотарингии, двух областей, населенных немцами, хотя и сочувствующими Франции. Франция не могла забыть франкфуртской раны потому, что эта рана все время вновь вскрывалась, так как Франции необходим был германский уголь. И чем больше развивалась французская промышленность, в особенности металлургия, тем жизненнее становилась идея реванша. Война с Германией была необходима не столько для обратного завоевания Эльзас-Лотарингии, сколько из-за угля Саарской области и Рура. Французская же железодельная промышленность развивалась весьма быстро. Производство стали возросло с 1903 по 1913 год: в Англии на 52%, в Германии—на 118%, в Америке—на 115%, а во Франции—на целых 152%.

Таким образом мы видим, как теория империализма Ленина объясняет нам всю политику капиталистических держав накануне войны и происхождение мировой войны. Почему капиталистические державы бешено гнались за колониями и в то же время не закрывали доступа в колонии товарам других государств? Да потому, что колонии нужны были капиталистам главным образом для помещения своих капиталов и для добычи сырья, а не для сбыта своих товаров. Поэтому и Франция, и Англия, и Германия разрешали другим державам торговать в своих колониях, но ни за что не хотели разрешать им там помещать свои капиталы. Поэтому в последнее десятилетие накануне мировой войны столкновения торговых интересов капиталистических государств не вызвали столько конфликтов, сколько вызвала одна Багдадская железная дорога или концессия братьев Маннесман в Марокко. Поэтому, и именно поэтому, из-за какого-нибудь источника нефти или из-за хлопковых плантаций империалисты готовы были тысячу раз скорее бросаться в драку, чем из-за торговой конкуренции на всех рынках земного шара.

Почему Англия враждовала с Германией и дружила с Соединенными Штатами? Да потому, что Германия делалась конкурентом Англии

по экспорту капитала¹⁾, Соединенные Штаты же сами в громадном количестве одалживали капиталы у европейских стран, главным образом, у англичан. Не общность языка, не кровные узы являлись причиной дружбы Англии с Америкой, а четырнадцать миллиардов марок английского капитала, которые по Пейшу уже в 1910 г. были помещены англичанами в Соединенных Штатах. Успехи Соединенных Штатов были и успехами английских капиталистов. Англичанам доставалась часть прибылей американцев и поэтому, несмотря на торговую конкуренцию, Англия и не думала враждовать с Америкой.

Экспорт капиталов и экспорт товаров.

На одном собрании немецких коммунистов, на котором автор выступал против теории Розы, один ярый сторонник этой теории заявил, что нелепо делать различие между экспортом капиталов и экспортом товаров, что оба эти явления тождественны, что оба они служат для реализации прибавочной стоимости, что экспорт капиталов происходит в виде экспорта товаров и, наконец, что и сама Роза говорит об экспорте капиталов. Так как подобные невежественные возражения можно ожидать и со стороны некоторых русских товарищей (симптомы некоторые уже имеются) так как с другой стороны, одним из слабых мест «Накопления капитала» Розы и является недостаточное различие со стороны Розы между этими двумя явлениями, то необходимо здесь выяснить этот вопрос. Существует ли связь между этими явлениями? Несомненно. Очень часто (но не всегда) экспорт капиталов

¹⁾ Некоторое значение играла также конкуренция германского торгового флота с английским. Доходы торгового флота Англии помогали ей покрывать дефицит своего торгового баланса. Таким образом значение торгового флота для Англии во многом совпадало со значением экспорта капиталов. Доходы торгового флота Англии равнялись, по сведениям английского торгового ведомства, в 1903 г. 1,8 миллиарда марок. В 1912 г. эти доходы, по сведениям Порблах, превышали 2 миллиарда марок. Германия же быстро догоняла Англию. В 1904 г. тоннаж нетто английского парового торгового флота равнялся 8394 тысяч тонн, германского же — 1739 тысяч тонн. В 1909 г. английский тоннаж равнялся 10132 тысяч тонн, германский — 2302 тысяч тонн. В 1912 г. английский тоннаж парового торгового флота равнялся 10711 тысяч тонн, германский — 2513 тысяч тонн. В 1913 г. английский тоннаж равнялся 10985 тысяч тонн, а германский — 2832 тыс. тонн. Тоннаж же всего торгового (парусного и парового) флота Англии равнялся 10244 тыс. тонн и 11882 тыс. тонн в 1913 г. Германский торговый (паровой и парусный) флот за этот же промежуток времени вырос с 2321 тыс. тонн до 3319 тыс. тонн. Из мирового торгового флота в 1871 г. приходилось на долю Англии—59%, Соед. Штатов—1%, Германии—3,80%. В 1914 г. доля Германии в мировом торговом флоте достигла 11,30%, Соед. Штатов—9,6%, Англии—41,50% (а с колониями—45,0%). Пароходов вместимостью больше 12000 тыс. тонн каждый в 1910 г. было в мире 80. Из них 42 принадлежали Англии, 22 Германии, а 16 всем остальным странам. Крупнейших же пароходов вместимостью больше 40 тыс. тонн было у Германии 3 (Waterland, Bismark и Imperator), а у Англии всего один (Titanic), и тот тоже пошел ко дну.

Таким образом, торговый флот Германии не только быстро догнал английский, но и в некоторых отраслях даже вытеснял его. Англия сильно боялась потерять свое доходное ремесло мирового навигатора. Об этом свидетельствуют многие дипломатические документы Англии, а также некоторые публицистические работы. К этому вопросу автор более подробно вернется в другом месте.

происходит в виде экспорта товаров, главным образом, машин, рельс, локомотивов и других орудий производства. Обыкновенно экспорт капиталов в какую-нибудь страну вызывает усиленный экспорт туда и товаров той страны, которая экспортировала туда свои капиталы. На это указывает и тов. Ленин в своем «Империализме». Тождественны ли оба явления? Ни в коем случае. Между ними существует большая разница, точнее—три кардинальных различия.

Первое различие. Экспорт капиталов не всегда совпадает с экспортом товаров. Часто экспорт капиталов имеет место в виде экспорта денежного капитала, то-есть уже реализованной прибав. стоимости, и это бывает не только тогда, когда капиталы вкладываются в иностранные займы, но и когда они вкладываются в заграничные промышленные предприятия. Так, многие фабрики и заводы, основанные французами на юге России, были оборудованы немецкими машинами. Поэтому мы встречаем подобные примеры, когда страна, экспортирующая капиталы в какую-нибудь другую страну, совсем почти не экспортирует туда своих товаров. Франция занимала первое место по импорту капиталов в царскую Россию; по импорту же товаров в Россию она занимала одно из последних мест.

Внешняя торговля России в миллионах рублей:

	Экспорт (в миллионах рублей)		
	1902—06 г.	1907—11 г.	1912 г.
в Германию	142	367	453
в Англию	222	278	327
в Голландию	107	157	154
во Францию	66	82	98
		И м п о р т :	
из Германии	243	397	532
из Англии	103	134	142
из Голландии	50	73	87
из Франции	27	46	56

(Товары, шедшие в Голландию или из Голландии, были почти исключительно германские или для Германии). И Франция не принимала почти никаких мер для развития экспорта своих товаров в Россию. Скажут: то Франция, страна рантье, ее мало интересовала внешняя торговля, она была для нее мало выгодна. И хотя это глубоко неверно, так как ни одна страна не имела такого выгодного экспорта товаров, как Франция (Экспорт товаров тем выгоднее, чем больше труда в них заключается, чем квалифицированнее эти товары. Экспорт фабрикатов поэтому выгоднее экспорта полуфабрикатов; полуфабрикатов—выгоднее, чем экспорт руды. Экспорт муки выгоднее экспорта зерна; экспорт мяса—экспорта скота. Из всех стран Европы Франция экспортировала наиболее квалифицированные товары—предметы роскоши и моды), согласимся, однако, временно, и с этим возражением. Тогда возьмем другой пример. Германия с начала XX века экспортировала, как

известно, громадные капиталы в Турцию (Багдадская железная дорога). Германия имела по некоторым сведениям в Турции в 1913 г. около полутора миллиарда марок. В то же время Германия еще в 1909 г. занимала пятое место во внешней торговле Турции. Германский экспорт в Турцию равнялся в 1910 г.—109 миллионам марок, в 1911 г.—113 милл. марок, в 1912 г.—113 мил. марок, в 1913 г.—98,4 мил. марок. Во внешней торговле Германии Турция занимала одно из самых последних мест. Можно смело утверждать, что Германия не потратила на завоевание турецкого рынка и одной сотой той энергии, которую она потратила на Багдадскую железную дорогу. На турецком рынке господствовали Англия, Франция, Италия, и Германия не делала никаких серьезных попыток для их вытеснения оттуда. Но допустить Англию к постройке Багдадской жел. дороги Германия ни за что не соглашалась. Тут речь шла о жизненных интересах капитала, и разговоры были серьезные. Ошибка Розы Люксембург в том и состоит, что она этого не заметила. Она объясняет великое значение Багдадской жел. дороги для Германии именно тем, что благодаря этой железной дороге растет сбыт германских продуктов в Турцию. А это как раз не соответствовало действительности. Третий пример. Северо-Американские Соединенные Штаты. Накануне войны они экспортировали больше всего товаров в Англию и занимали первое место в английском импорте: капиталы же экспортировала, как мы уже знаем, Англия в Соединенные Штаты.

Второе различие. Экспорт товаров не связан с особенно большим риском и поэтому он не вызывает агрессивной захватнической внешней политики в такой сильной степени, как экспорт капиталов. Если какая-нибудь торговая фирма экспортирует в какую-нибудь страну на миллион рублей товаров, то судьбы этой страны не особенно сильно интересуют эту фирму. Если в этой стране вспыхнет революция, возникнут беспорядки, фирма прекратит экспорт своих товаров и будет стараться их сбывать в другом месте. Другое дело, если акционерная компания куда-нибудь экспортирует капиталы, если она строит железные дороги, фабрики, заводы, трамваи и т. д. Тогда судьбы этой страны затрагивают жизненные интересы акционерной компании. В случае революции железные дороги вывозить нельзя, фабрики вывозить нельзя. Железную дорогу можно разрушить, можно национализировать. Наконец, ее доходы тесно связаны с состоянием страны. Поэтому акционерная компания будет прилагать все силы, чтобы ее государство получило эту страну в сферу своего влияния; она будет оказывать давление на внешнюю политику своего государства, заставит ее стать более агрессивной; акционерная компания будет ратовать за усиление армии и флота, дабы в случае чего государство могло бронированным кулаком защищать интересы ее капитала. Норман Энжель вполне прав, опровергая мнение тех, которые усиление милитаризма объясняют интересами внешней торговли. «Я—говорит он—тысячи раз присутствовал при торговых сделках; при этом разговаривали о чем угодно: спрашивали о цене, о качествах товара, о перевозке его, осведомлялись о прошлом торговой фирмы. Но никогда я не слышал, чтобы заговорили о разме-

рах военного флота государства одной из сторон, чтобы кто-нибудь, предлагая свои товары, заявил: «мое государство имеет сильнейшую армию в мире, столько то пушек и т. д.». О таких вещах при торговых сделках не разговаривают». И мы можем добавить, что нам также почти не известен случай, чтобы флот содействовал взиманию долгов у несостоятельных купцов Турции, Мексики и других стран. Это все верно относительно экспорта товаров. Другое дело—при экспорте капиталов. Тут уже пример Энжеля совсем не подходит. При получении концессии на постройку железной дороги, на эксплуатацию нефтяного источника и т. д., принимается во внимание каждая дивизия участвующего государства. Тогда речь больше всего и идет о вооруженной силе. И вооруженная сила еще больше нужна после получения концессии для защиты интересов капиталистов-концессионеров. Лучшее доказательство—Германия и Россия. Россия национализировала все иностранные капиталы. Германия в результате проигранной войны и Версальского договора потеряла почти все свои заграничные капиталы. Поэтому капиталы безопаснее всего экспортировать в колонии, а для приобретения и защиты колоний необходимы армия и флот. Поэтому пока Германия не экспортировала капиталов, Бисмарк мог спокойно, по его собственным словам, предоставлять защиту германских интересов английскому флоту. Но когда в Германии образовались свободные капиталы и начался их усиленный экспорт, она вынуждена была с такой силой и энергией взяться за строительство своего военного флота, и Вильгельм заявил—«будущность Германии—на море». Поэтому дальновидная и осторожная Англия экспортировала свои капиталы, главным образом, в колонии или страны, непосредственно подверженные ее прямому влиянию. В последние годы накануне войны экспорт английских капиталов в Австрию, Болгарию и Турцию почти совсем прекратился. Незначителен он был и в Россию. Отсутствие экспорта капиталов является одной из причин того, как будто, странного явления, что накануне войны Северо-Американские Соединенные Штаты, несмотря на свою весьма развитую внешнюю торговлю, имели сравнительно слабый военный флот.

Третье различие. Экспорт товаров в какую-нибудь отсталую страну задерживает ее развитие, мешает прогрессу ее индустрии. Экспорт же капиталов в отсталые страны содействует их развитию и индустриализации. Поэтому буржуазия отсталой страны относится враждебно к буржуазии капиталистической страны, экспортирующей товары в эту отсталую страну и тем самым задерживающей ее развитие. (Отношение русской буржуазии к германской; турецкой к английской). Наоборот, буржуазия отсталой страны относится дружелюбно к буржуазии страны, экспортирующей в эту отсталую страну свои капиталы и тем самым содействующей ее промышленному развитию и расцвету. (Отношение русской буржуазии к Франции, турецкой—к Германии). Двойственное отношение буржуазии Индии к Англии и объясняется тем, что Англия экспортирует в Индию не только товары, но и капиталы.

Ленин и теория Розы Люксембург

Почему же, спросят товарищи, Ленин не выступил против Розы открыто с полемикой. Да потому, что нельзя было. Ленин и Роза принадлежали к одному левому крылу во 2-м Интернационале. Книга Розы Люксембург вышла накануне войны. Ленин написал свой «Империализм» во время войны. Свои взгляды он изложил достаточно ясно, хотя скуповато на слова. Он ничего не скрыл. Полемицировать же с Розой, которая вела тогда героическую борьбу за социалистическую революцию в империалистической Германии, Ленин считал ненужным и вредным для борьбы с империализмом. Однако, прямо недопустима мысль, что на деле то Ленин был на стороне Розы, только он это скрывал и выступал в 90-х годах против теории о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе, потому что считал это необходимым для борьбы с народниками.

Так тов. Бессонов в своей статье: «Теория рынков и тов. Ленин», помещенной в «Спутнике коммуниста» № 23 за июнь—июль 1923 года, пишет: «вывод, который напрашивается сам собою из изучения теории рынков Ленина, гораздо ближе к концепции покойной Розы, чем это принято думать в марксистской среде и чем это думала сама Люксембург. Ошибка в оценке позиции Ленина, на наш взгляд, объясняется у Розы тем, что она создавала эту оценку на основе одной только работы Ленина: «К характеристике экономического романтизма». Из всех работ тов. Ленина, посвященных вопросу о рынках, названная имеет наиболее боевое, политическое значение в знаменитом споре с народниками».

Подобное мнение не только свидетельствует о полном непонимании «Империализма» Ленина, но и о непонимании другой стороны вопроса.

По мнению тов. Бессонова, с Лениным случилось то же, что, по мнению оппортунистов и буржуазных ученых, случилось с Марксом: Ленин—революционер, противник народников—победил ученого, и Ленин высказался против теории Розы.

Пора тов. Бессонову знать, что мы—сторонники научного социализма—мы не утописты. Мы, как это заявляет Энгельс, готовы отказаться от любой нашей теории, если объективные научные данные докажут ее ошибочность. Ленин против научной истины никогда, ни по каким тактическим соображениям, не выступал. Он в своем «Империализме», написанном в 1916 г., определенно говорит, что теория империализма Розы—не его теория. Он ни разу не упоминает Розы Люксембург, открыто против нее не выступает, потому что тогда время не годилось для полемики с Розой. Были дела поважнее. Ленин вместе с славной Красной Розой полемицировал тогда против господ империалистов и оппортунистов.

Империализм и протекционизм.

Не противоречит ли однако протекционизм всему вышесказанному? Ведь одновременно с началом эпохи империализма, приблизительно с конца семидесятых годов XIX века, начинается и период усиленного протекционизма.

С семидесятых годов прошлого столетия теория свободной торговли, теория фритредерства, начинает подвергаться резкой критике и начинает сменяться протекционизмом. Одно государство за другим отказывается от принципа свободной торговли в своей экономической политике и переходит к покровительственной системе. Начинает Германия, за ней следуют Франция, Россия, Соединенные Штаты и другие государства. Как же это примирить с тем, что мы только что сказали и как будто доказали? Ведь если империализм не вызван затруднением в сбыте товаров, как это утверждает Роза, а экспортом капиталов и борьбой из-за рынков сырья,—так зачем же нужен был протекционизм? Протекционизм является как будто признаком существования затруднений в сбыте товаров, признаком усиления торговой конкуренции. Из-за торговой конкуренции или из-за облегчения экспорта своих товаров (дмпинг) государства вводят тарифы и таким образом обеспечивают внутренний рынок только за своей собственной внутренней промышленностью. Таково, как будто, господствующее мнение о протекционизме, таково как будто общераспространенное объяснение покровительственных пошлин. Но если это так, тогда права Роза Люксембург, утверждая, что век империализма характеризуется все большими трудностями при реализации прибавочной стоимости. Каким же образом мы только что осмелились утверждать, что в эпоху империализма никакого, особого обострения торговой конкуренции не было, а наоборот, последние двадцать лет накануне войны характеризуются небывалым в истории развитием внешней торговли всех капиталистических стран и всей мировой торговли вообще? Но ведь у нас приведены цифры, факты, неужели они подложны?!

Прежде всего два замечания. Первое замечание. Надо различать между протекционизмом в отсталых странах, как например в России, и в Сев.-Амер. Соед. Штатах в 80-х и 90-х годах XIX века и протекционизмом промышленных стран: Англии, Франции и Германии. В отсталых странах протекционизм ничего не доказывает ни в пользу теории Розы, ни против этой теории. Причиной таможенных пошлин в отсталых странах является не затруднение для капиталистов в реализации прибавочной стоимости. Причина кроется в ином. Задача тарифной политики в отсталых странах—защитить слабую, молодую, недоразвитую еще национальную промышленность от конкуренции старой, сильной, хорошо организованной промышленности крупных капиталистических держав. Задача воспитательная, если можно так выразиться.

Второе замечание. Нужно резко различать между приблизительно 20-летним периодом с середины 70-х годов XIX века до середины 90-х годов того же века и другим 20-летним периодом с середины 90-х годов XIX века до начала мировой войны. Иногда оба периода вместе считаются эпохой империализма. Это не совсем верно. Первый период был, если можно так выразиться, предимпериалистической эпохой. Только второй период является уже веком настоящего воинствующего, захватнического империализма. Именно тогда, во второй период, вся Европа разделяется на два враждебных лагеря—Тройственный Союз и Тройственное Соглашение. Именно тогда с отчаянной энергией строятся гигантские военные флоты и вооружаются миллионные армии. Только в течение второго периода наступило полное и безраздельное господство финансового капитала; тресты и синдикаты разделили между собой весь мир. Между тем, этот период и характеризуется небывалым расцветом мировой торговли, неслыханным расширением емкости мирового рынка, резким ослаблением торговых антагонизмов. Первый период, период предимпериалистический как раз характеризуется весьма продолжительным застоём в торговле и промышленности, продолжительной европейской депрессией. Этими двумя замечаниями значительная часть доводов от протекционизма в пользу теории Розы отпадает. Свободная торговля уступила своё место протекционизму как раз в первый период. Во второй период протекционистское движение во всех капиталистических странах стало слабее, а в Англии совсем заглохло. Кроме того, поскольку отпадают таможенные пошлины России и Америки, Англия же все время оставалась при свободной торговле, остается разбирать только политику Германии и Франции. Мы могли бы, таким образом, ответить на недоуменные вопросы сторонников Розы вопросом с нашей стороны: почему Англия, имевшая внутри страны ничтожные группы некапиталистических слоев населения (крестьянства), почему именно она, которой по теории Розы труднее всего должно было быть реализация прибавочной стоимости, почему как раз Англия не ввела таможенных пошлин и осталась при свободной торговле? Ссылка же на громадные английские колонии ничего не разъясняет. Мы видели выше, какую торговую политику Англия вела в своих колониях, и какую роль колонии играли в ее экспорте. Таким образом, мы могли бы в ответ на аргументацию сторонников Розы протекционизмом Германии и Франции (фактически речь может идти только об одной Германии. Франция не в счет, ее можно отвести), со своей стороны аргументировать Англией и ее свободной торговлей. Но так как недостаточно на вопрос отвечать вопросом, перейдем к вопросу по существу.

Первое. Неверно, будто бы таможенная политика капиталистических держав накануне войны является козырем в руках сторонников Розы. Что утверждает Роза? Она утверждает, что капиталистическому хозяйству, как воздух для легких, необходим некапиталистический рынок сбыта. Что же мы видим? Капиталистические державы (и то не все, Англия этого не делает) охраняют от конкурентов как раз свой внутренний, главным образом, капиталистический рынок. Какую поли-

тику они вели в своих колониях, мы уже выше видели. Значит, капиталистическим державам дороже всего капиталистический рынок сбыта, не некапиталистический, что весьма противоречит даже теории Розы.

Второе. Неверно, будто протекционизм капиталистических держав—Германии, Франции (с 90-х годов XIX века и Соединенных Штатов) явился результатом боязни обыкновенной конкуренции, боязни невозможности реализовать всю прибавочную стоимость. Причина протекционизма кроется в другой плоскости. Речь идет о сверх-прибыли (слово, которое приводит в раздражение сторонников Розы, особенно тов. Бориса). Новейший протекционизм капиталистических государств объясняется почти исключительно смычкой между аграриями (крупными землевладельцами) и трестами и синдикатами, главным образом, тяжелой и горной индустрией. Поэтому в Англии, где до войны промышленность была сравнительно слабо синдицирована, и не было протекционизма. Для достижения монопольного положения на рынке трестам и синдикатам необходимы были таможенные пошлины. Протекционизм защищает тресты и синдикаты от внешней конкуренции, и тем самым дает им возможность господствовать на внутреннем рынке, устанавливать какие угодно цены и получать сверх-прибыль. На внешнем же рынке протекционизм дает возможность трестам и синдикатам продавать свои товары по баснословно дешевым ценам; этим самым они убивают своих противников и на мировом рынке и устанавливают свою монополию и за границей. Поэтому думпингом недовольны и внутри страны и вне ее. Так, германские потребители и даже капиталисты несиндицированной промышленности рассматривали думпинг немецких товаров на мировом рынке, как расхищение и растрату германского богатства и народного благосостояния. «Германские товары—продукты немецкого труда—продаются за бесценок иностранцам в то время, как мы в Германии кряхтим от дороговизны»—жаловались они. В то же время и в Англии были недовольны немецким думпингом, который разоряет английские фирмы и отнимает у них английский рынок. Такое отрицательное отношение и со стороны своих сограждан, и со стороны иностранцев мы замечаем и по отношению к американскому думпингу.

Была еще одна причина протекционизма—делать возможным производство при неблагоприятных условиях. Так германский протекционизм имел своей целью развитие в Германии земледелия даже на самых неплодородных землях; защиту германского крупного землевладельца от конкуренции дешевого заокеанского хлеба. Тем самым протекционизм содействовал поднятию цен на землю. Германский протекционизм и касался главным образом продуктов сельского хозяйства. Так по официальным данным за 1911, 1912 и 1913 годы таможенный сбор с ввезенных в Германию продуктов питания равнялся 20,7% их общей стоимости, с ввезенных же фабрикатов—10%, с полуфабрикатов—2,5%, а с ввезенного сырья для промышленности—2,8%.

Таким образом, мы видим, что протекционизм капиталистических держав в эпоху империализма (т.-е. за последние 20 лет накануне войны) ни в каком случае не может служить доказательством в пользу

теории Розы. Он вызван другими причинами и имеет совершенно другие цели, чем это должно было бы вытекать из теории накопления Люксембург.

Точно также ничего не говорит в пользу этой теории и та система торговых договоров, которая усиленно практиковалась в Европе в последние десятилетия накануне войны. Как правило, можно утверждать, что военные силы договаривающихся сторон почти никогда не оказывали влияния на содержание торгового договора. При заключении торгового договора больше всего значения имеют взаимные коммерческие интересы договаривающихся сторон, меньше всего—военные силы этих сторон. Бисмарк—этот железный канцлер—уже в 1871 году отказался силой навязать разбитой Франции торговый договор, выгодный только для Германии. Характерно, что даже он считал нужным тогда заявить в рейхстаге, что великие нации должны в своих торговых связях руководствоваться добровольными соглашениями, а не силой навязанными договорами. В дальнейшем это правило еще больше соблюдаюсь¹⁾. Так, малые, слабые государства—Швеция, Дания, Бельгия, Голландия и т. д.—вели не менее выгодную внешнюю торговлю, чем крупные, и заключали не менее выгодные торговые договоры, чем самые сильные державы. По размерам своей внешней торговли некоторые малые государства далеко превосходили крупные державы. Так, на голову жителя Бельгии накануне войны приходилось в 2½ раза больше внешней торговли, чем на голову германца, и в 1½ раза больше, чем на голову жителя Великобритании. Точно также на голову жителя Норвегии накануне войны приходилось в 15 раз больше тоннажа торгового флота, чем в Германии, и в три раза больше, чем в Англии. Как уже было упомянуто, нельзя указать ни на один серьезный международный конфликт в последние десятилетия накануне войны, который был бы вызван столкновением торговых интересов или торговым договором.

Революционность теории Розы Люксембург и революционность теории Ленина.

Книга Розы «Накопление Капитала» принадлежит, несмотря на ошибки, к самым глубоким и захватывающим произведениям революционного марксизма. Многие ее страницы будут в течение веков рассказывать будущим поколениям о «доблестях» капиталистического строя. Редкие произведения мировой литературы блещут таким неподражаемым остроумием, как ее анти-критика. Роза Люксембург во всю ширь и глубину поставила и пыталась разрешить проблему об экономических взаимоотношениях капиталистических и некапиталистических слоев населения. Ошибки ее были неизбежны. Войны и революции раскрывают тайные стороны общественной структуры, точно так же, как

1) Не является исключением, вопреки общепринятому мнению, и русско-германский торговый договор 1904 г. Несмотря на тогдашнее тяжелое положение России (воружение в Манчжурии), в этот договор был заключен на основе взаимности. Германия получила право облагать высокими пошлинами русский хлеб, а Россия — германские промышленные товары.

землетрясение обнажает скрытые пласты земной коры. Нам сейчас многое видно лучше, чем до войны. Нам теперь многое понятно, что раньше было скрыто от обыкновенных человеческих взоров. То, что мы видим сейчас, не могла видеть Роза в 1913 г.

Но из этого отнюдь не следует, что мы обязаны держаться теории накопления Розы, хотя бы нам теперь стало ясно, что она ошибочна. Между тем, часто на дискуссиях немецкие товарищи, сторонники Розы, аргументируют следующим образом. Пусть,—говорят они,—теория Розы и не соответствует всем новейшим данным науки, пусть она с точки зрения политической экономии является ошибкой. Зато она революционна. Это единственная теория, которая доказывает абсолютную невозможность накопления в чистом капиталистическом обществе. Пусть с чисто научной точки зрения теория Розы и не совсем правильна,—нам нужна теория, которая доказала бы неминуемую гибель капитализма на известной стадии его развития. Это делает теория Розы. Поэтому мы за нее.

Подобные рассуждения весьма неправильны и вредны. Мы не утописты, наша наука существует для того, чтобы служить пролетариату в его борьбе за освобождение. А для этого она должна прежде всего соответствовать действительности, т.-е. должна быть выдержанной с строго научной точки зрения. Рассуждения немецких товарищей напоминают рассуждения суеверного почитателя святого в анекдоте: «Святой молился в своей келье в Киево-Печерской лавре,—рассказывает его почитатель.—Вдруг святой выбежал и стал кричать: «Царьград горит». А действительно горел Царьград?—спрашивают рассказчика.—Горел не горел—это безразлично,—отвечает он,—но дальнзоркость-то какая!» Надо помнить, что всякая теория, как бы революционна она ни была, если она не соответствует действительности, если она ей противоречит,—вредна для пролетариата. Перед революционером и ученым стоит одна и та же задача: изучить мир для того, чтобы его изменить к лучшему. Поэтому, по словам Ленина, важнейшей задачей революционера и является усердное изучение действительности. Если теория Розы противоречит действительности, она вредна для пролетариата. Мы, конечно, не будем при этом ссылаться на Пауля Леви и иже с ними, которые свою оппортунистическую тактику объясняют теорией Розы. Но они доказывают, что последний час капитализма еще далек, что поэтому утверждения большевиков о социалистической революции—утопия. Подобные аргументы оппортунистов отнюдь не могут быть поставлены в вину Розе. Ни одно революционное учение не гарантировано от извращения в руках социал-предателей. Слабость теории Розы в другом,—в том, что она нам действительности не объясняет, что империалистическая политика капиталистических держав до и во время войны полна несуразностей, если мы будем держаться этой теории: ибо тогда эта политика совсем не соответствует их экономическим интересам. Теория Ленина нам все это объясняет. Поэтому мы волевым решением должны принять теорию Ленина.

Но посмотрим, не более ли и революционно учение Ленина об империализме? Согласно теории Ленина, накопление в чистом капитали-

стическом обществе возможно, прибавочная стоимость может быть реализована. Но может ли мир дойти до чистого капитализма? Есть некоторые основания утверждать, что из теории империализма по Ленину вытекает, что весь мир не только не может доразвиться при капиталистическом способе производства до полного исчезновения некапиталистических производителей, но больше того. Есть основание утверждать, что из теории Ленина вытекает абсолютная невозможность для всего земного шара дойти, хотя бы до известной степени капиталистического развития, до той стадии, когда страна, хотя в ней сохранились еще некапиталистические производители, вынуждена экспортировать капиталы, т.-е. дойти при капиталистическом способе производства до стадии развития Германии, примерно, в конце XIX века ¹⁾.

Постараемся это доказать. Все капиталистические державы на известной ступени развития своей промышленности переходят к пассивному торговому балансу, т.-е. начинают больше ввозить товаров в виде сырья и продуктов питания, чем вывозить продукты промышленности. Все государства мира в таком положении находиться не могут. Это очевидно. Раз одни государства больше ввозят, чем вывозят, то обязательно должны быть другие государства, которые больше вывозят, чем ввозят. В противном случае, ведь откуда взять излишек ввоза над вывозом для капиталистических стран? Не с Марса же! Можно ли, однако, предполагать, что в мире установится при капиталистическом строе равновесие между странами, вывозящими сырье, и странами, его ввозящими? Конечно, нет. Ведь для покрытия своего дефицита промышленные страны, ввозящие сырье, экспортируют капиталы. Процентами с капиталов они покрывают свой торговый дефицит. Куда же они экспортируют капиталы? Понятно, что в страны, вывозящие сырье, в страны отсталые, нуждающиеся в капиталах. Эти отсталые страны, благодаря импорту в них капиталов, быстро индустриализируются. Так, на наших глазах индустриализировались Соединенные Штаты Северной Америки; так шла индустриализация России. Так идет и сейчас индустриализация английских колоний, особенно Канады и Индии, идет ин-

¹⁾ Это, конечно, не значит, что по теории Ленина, капитализм когда-нибудь рухнет сам собою. Подобное допущение неверно, ложно, ошибочно и вредно. Без насилия господствующий класс от своей власти не отказывается. Без классовой борьбы, без революции подобные перемены в обществе не совершаются. Если на минуту допустить, что классовая борьба прекратилась или что молодой класс (пролетариат) оказался не в силах свергнуть господство буржуазии, тогда мыслимо дальнейшее существование капитализма, даже тогда, когда дальнейшее его развитие невозможно. Тогда общество будет загнивать, производительные силы не будут расти, прогресс заменится регрессом, и человечество будет деградировать. Капитализм имеет две тенденции: созидательную и разрушительную (кризисы, войны и т. д.). До полного развития капитализма богатства накапливаются, т. к. их потребление и разрушение отстает от созидания новых богатств. Производительные силы растут. Если бы капитализм перешел за указанную стадию, тогда разрушительная тенденция получила бы перевес, выражаясь языком физики, приток новых богатств был бы ниже, или, во всяком случае, не превышал бы расхода старых богатств. Именно потому, что мы видим, что классовая борьба ни на минуту прекратиться не может, именно потому, что мы видим, что с развитием капитализма растет мощь пролетариата, усиливается его стремление к власти и все больше углубляются противоречия и лагере буржуазии именно потому мы уверены, что социализм сменит капитализм.

дустиализация Южной Америки. Постепенно эти страны превращаются из стран, вывозящих сырье, в страны, вывозящие промышленные товары и капиталы. Недостаток источников сырья дает себя все острее чувствовать; конкуренция экспортируемых капиталов становится все ожесточеннее. Происходят империалистические войны — грандиозные по своим размерам, катастрофические по своим разрушениям, гибельные для человечества и культуры.

Таким образом, финансовый капитализм усиленным экспортом капиталов сам подрывает сук, на котором он сидит и сам роет себе могилу. На наших глазах Соединенные Штаты Северной Америки из страны, ввозящей капиталы, превратились в страну, экспортирующую капиталы и затопляющую ими Северную и Южную Америку и даже Европу. Империализм начинает насильственное превращение в колонии промышленных стран (Германия, Австрия). Ему становится все теснее на свете. Противоречия между империалистическими странами из-за экспорта капиталов и из-за погони за рынками сырья все обостряются. Параллельно с этим идет и обострение классовых противоречий внутри капиталистического общества, особенно в странах побежденных, насильственно превращаемых в колонии. И в конце-концов капитализм гибнет даже гораздо скорее, чем становится невозможным его дальнейшее развитие: он гибнет под ударами пролетарской революции, которой на помощь идет восстание колоний—стран, ввозящих капиталы и платящих дань, в виде сверхприбыли своим кредиторам.

У Ленина эта мысль ясно не выражена, автор высказывает ее в виде предположения и считает необходимым дальнейшие дискуссии по этому вопросу, а главным образом, дальнейшие исследования. Но все-таки есть основание предполагать, что именно это думает Ленин, когда соглашается со словами Шильдера о вероятности приостановки прогресса человечества (конечно, при капиталистическом способе производства, как это подчеркивает сам Ленин) из-за отсутствия сырья¹⁾.

Ленин в своей теории империализма исходит из конкретных противоречий современного монополистического капитализма, когда мировые тресты, синдикаты и банки достигли уже почти высшей точки своего развития и до крайности обострилась конкуренция экспортируемых капиталов. Роза исходит из неразрешимых, по ее мнению, противоречий чистого капиталистического общества, где существуют только рабочие и предприниматели, но совсем отсутствует крестьянство. Тенденциями к развитию этих противоречий она пытается объяснить современный империализм. Она поэтому совершенно абстрагируется от истинной главной причины империализма, от существования монополистического капитализма—мировых трестов, синдикатов и банков. Так как исходным пунктом Люксембург является чистый капитализм, так как абсолютно неизбежное загнивание капитализма, по ее теории, наступает лишь с исчезновением крестьянства, то она не видела и не

¹⁾ В своих позднейших произведениях Ленин определенно говорит, что уже теперь перед человечеством стоит дилемма: либо дальнейшее существование капитализма и тогда вырождение человечества и гибель культуры от империализма и его войн; либо социалистическая революция и возрождение человечества. Третьего не дано.

могла видеть всей революционной роли крестьянства уже сейчас в настоящее время, когда, несмотря на существование более миллиарда крестьян, противоречия капитализма приближаются к своему максимуму и процесс загнивания капитализма уже начался.

Теория империализма Ленина объясняет нам необходимость союза пролетариата, отдающего капиталистам прибавочную стоимость, с крестьянством отсталых стран, платящим капиталистам дань в виде сверхприбыли и процентов с капитала. Теория Розы в этом отношении нам ничего не объясняет¹⁾.

Теория Ленина дает нам также ключ к пониманию послевоенной ситуации. При тщательном изучении современного мирового хозяйства, становится ясно, что план Дауэса и некоторое господство разружительных тенденций в современной политике буржуазных государств объясняются не чем иным, как страстным стремлением американских капиталов (а не товаров) к экспорту и временным почти полным отсутствием конкурентов у Америки. Ведь сейчас ни одна страна, кроме Америки и отчасти Англии, не способна к экспорту капиталов. Все государства сами нуждаются в капиталах. План Дауэса и есть план экспорта американских капиталов в Европу и в другие части света. При чем и тут интересы вывоза капиталов взяли верх над интересами вывоза товаров. Но обо всем этом в другой раз.

Берлин, 10 сентября 1924 г.

И. Литвинов.

¹⁾ Можно утверждать, что подобно тому, как на экономических взглядах Ленина вытекает его решение крестьянского, колониального и национального вопросов, точно также на теории накопления Розы вытекает ее позиция (ошибочная) в этих вопросах, а также ее отношение (первоначальное, в тюрьме в 1918 г. См. книгу ее, выпущенную реногатом Паулем Леви) к политике большевиков после октября 1917 г. и к революции 1905 г., когда она близко примыкала к теории „перманентной революции“.